КРУШЕНІЕ ТРАНСПОРТА ЗМѢЯ.

Въ послѣднюю Турецкую войну, 1828 года, назначили военный транспортъ *Змѣя*, для отвоза изъ Варны въ Одессу, раненыхъ и оружія, взятаго въ крѣпости.

На транспортъ было погружено до 40 т. пистолетовъ и ятагановъ и 14 орудій; 12 изъ нихъ старинныя Польскія назначались въ Варшаву; одно было Высочайше пожаловано генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу Забалканскому и одно генералъ-адъютанту графу Воронцову.

Экипажъ транспорта состоялъ изъ командира, капитанъ-лейтенанта Тугаринова, 5-ти офицеровъ(*) и 150 матросовъ; кромѣ этого на немъ было 17 больныхъ и раненыхъ офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ сухопутныхъ войскъ.

Утромъ 17 Октября, снялись мы съ якоря и вышли изъ Варнскаго залива въ море. Въ продолженіе шести сутокъ, безъ особенныхъ приключеній, при тихомъ противномъ вѣтрѣ, транспортъ мало по малу подвигался къ мѣсту своего назначенія— г. Одессѣ.

23 числа вѣтеръ началъ постепенно свѣжѣть и къ полдню до того усилился, что транспортъ остался только подъ зарифленными нижними парусами. Ночью изорвало фокъ, и вѣтеръ такъ скрѣпчалъ, что новый привязать не было никакой возможности, и потому съ большимъ трудомъ убрали гротъ и поставили фокъ стаксель и бизань. — Но и это было не надолго, чрезъ часъ ихъ изорвало въ клочки.

Къ утру вѣтеръ превратился въ настоящій штормъ; развело страшное волненіе; тяжело нагруженный транспортъ не могъ

(*) Лейтенантъ Колесниковъ, мичманы: Краевскій, Веселаго и Кубаркинъ и штурманъ Андреевъ.

долго безвредно выносить ужасные удары волнъ, которыя переливались черезъ него, бросали его какъ щепку, крутили, ломали всѣ члены и скрѣпленіе. — Скоро открылась сильная течь. Кто только могъ работать, были поставлены къ помпамъ; употребили всѣ возможныя средства для выкачиванія воды, но она постоянно прибывала и къ полдню 24 числа наполнила почти весь трюмъ, гдѣ лежала провизія и прѣсная вода; достать ихъ не было никакихъ средствъ. Въ первые часы нашего бѣдствія, мы забывали о пищѣ и боролись только противъ близкой очевидной смерти, потому что не знали до какой степени поврежденъ транспортъ и каждую минуту могли ожидать, что онъ пойдетъ ко дну.

Опасность увеличивалась съ часу на часъ: отъ сильной качки въ носовой части транспорта обшивныя доски начали отходить; помпы отъ долгой работы безпрестанно портились и, къ довершенію несчастія, всѣ легкія вещи, погруженныя въ трюмѣ, при качкѣ переваливались съ боку на бокъ, а наконецъ тронулись орудія и баластъ; транспортъ повалило на одинъ бокъ и волненіе начало переливаться чрезъ него.

Наступила минута, когда искуство моряка сдѣлалось безполезнымъ; оставалась одна надежда на Провидѣніе.

Положеніе наше было въ полномъ смыслѣ ужасное; транспортъ на боку, безъ парусовъ, до половины налитый водою, страшно качало; рѣдкій валъ не переходилъ черезъ палубу, на которой нельзя было стоять, не привязавшись къ борту или мачтѣ. Между тѣмъ наступила ночь, ураганъ ревѣлъ.

Больнымъ и раненымъ, измученнымъ качкою, нельзя было подать никакой помощи. Здоровые, истомленные безпрерывной работой на дождѣ, безъ сна, голодные и холодные, въ ожиданіи вѣрной близкой смерти, употребляли послѣднія усилія къ спасенію. Но все было видимо безполезно, транспортъ погружался болѣе и болѣе.

Не легко это было для моряковъ, уже самой службой нѣсколько приготовленныхъ къ подобнымъ явленіямъ; но каково было сухопутнымъ офицерамъ и солдатамъ — можетъ сказать только тотъ, кто самъ испыталъ подобное положеніе.

Но бѣдствіе все еще было не полное, явились два страшные непріятеля: голодъ и жажда, особенно послѣдняя. Вся наша провизія состояла изъ нѣсколькихъ пудовъ подмоченныхъ соленой водой сухарей; около 6 ведеръ прѣсной воды; 3 ведеръ вина и 6 ведеръ уксусу. Все выдавалось по чрезвычайно умѣренной порціи, разумѣется безъ различія офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Всѣхъ томила сильная жажда, для утоленія ея пили морскую воду съ уксусомъ и виномъ, отчего жажда еще больше усиливалась. Нѣкоторые изъ больныхъ и раненыхъ не могли выносить этихъ мученій и умирали. Не долги были ихъ похороны: умершаго выносили на верхъ, клали на палубу; привязанный къ мачтѣ матросъ читалъ молитву и говорилъ *аминь*, когда нашедшая волна уносила покойника.

Правду сказать, тогда эти сцены мало дѣйствовали на оставшихся въ живыхъ: собственная опасность сдѣлала насъ равнодушными къ другимъ; мы сами ожидали вскорѣ отправиться въ ту же дорогу.

25 числа, послѣ полночи вѣтеръ началъ понемногу стихать; явилась нѣкоторая надежда къ спасенію. Съ страшной опасностію для людей привязали мы фокъ, но и съ нимъ транспортъ лежалъ на боку и не могъ спуститься на фордевиндъ. Наконецъ это намъ удалось: послѣ долгихъ усилій, въ четвертомъ часу утра, направили транспортъ по вѣтру и пошли къ западному берегу, какъ самому ближайшему. Въ сущности положеніе наше мало улучшилось: транспортъ качался страшнымъ образомъ, вода все прибывала. Волны безпрестанно ходили черезъ палубу; одинъ валъ выбилъ глухіе люки въ кормѣ и влился

*

въ капитанскую каюту, наполненную больными и ранеными офицерами.

Воду выкачивали помпами, бранспойтами, ведрами и боченками. Шлюпки всѣ кромѣ маленькой шестерки, были унесены или разбиты и, главное, мы не знали хорошо, въ какомъ мѣстѣ находимся. Съ самаго выхода изъ Варны, не имѣя ни одного яснаго дня, мы не могли повѣрить свое счисленіе астрономическими наблюденіями, а потомъ когда транспортъ оставался безъ парусовъ, то нельзя было съ увѣренностію сказать, куда его тащило, тѣмъ болѣе, что въ этой части Чернаго моря есть теченіе къ югу.

При такихъ обстоятельствахъ, идя къ берегу, мы легко могли попасть въ непріятельской портъ; слѣдовательно намъ предстоялъ еще плѣнъ.

Въ ночи съ 25 на 26 число, когда по нашимъ расчетамъ берегъ былъ недалеко, мы привели въ бейдевиндъ подъ нижними стакселями и дожидались утра.

Въ 9-мъ часу, сквозь туманъ дѣйствительно увидѣли берегъ и пошли къ нему; это былъ мысъ, но какой — въ туманѣ не разсмотрѣли, а пошли вдоль его и, зайдя въ бухту — бросили якорь.

Нечего было думать о спасеніи транспорта; оставалось только пріискивать средства для спасенія людей, которыхъ значительно убавилось: изъ больныхъ и раненыхъ умерли 1 офицеръ и 80 солдатъ.

Всѣ надежды основывались на единственной, уцѣлѣвшей во время шторма, 6-ти весельной шлюпкѣ и еще 10-ти весельномъ барказѣ, но послѣдній до того былъ поврежденъ, что безъ явной опасности не могъ отойти далеко отъ борта. Транспортъ все лежалъ на боку и съ каждымъ часомъ болѣе погружался въ воду, особенно носовою частію. Для облегченія его всѣ тяжелыя вещи, находящіяся наверху, какъ то: орудія, верпы и

пр. были брошены за бортъ. Со страхомъ и надеждою ожидали мы прочищенія тумана, чтобы узнать гдѣ находимся. Только къ 6 часамъ вечера нѣсколько прояснилось и, капитанъ поелалъ мичмана Кубаркина на шестеркѣ, на берегъ, во-первыхъ— узнать что это за берегъ, а во-вторыхъ — привезти сколько нибудь прѣсной воды, потому что всѣ чрезвычайно страдали отъ жажды.

Шлюпка отправилась, но за сильнымъ буруномъ не могла пристать къ берегу и возвратилась съ горестнымъ извѣстіемъ, что берегъ покрытъ турецкими солдатами, которые хотѣли напасть и на шлюпку, бросались на лошадяхъ въ воду, но были остановлены буруномъ.

Теперь намъ оставалось на выборъ два средства, плѣнъ или гибель, и послѣдняя—гораздо ближе и вѣрнѣе; потому что отдаться въ плѣнъ можно было на берегу, а мы мало надѣялись до него добраться.

Туманъ все прочищался; вскорѣ мы замѣтили недалеко отъ насъ купеческое судно подъ австрійскимъ флагомъ; немедленно посланъ былъ на него мичманъ Кубаркинъ и съ нимъ раненый на штурмѣ Варны Л. Гв. Измайловскаго полка баронъ Вревскій, нѣсколько знающій нѣмецкій языкъ. Имъ поручено было просить шхипера — перевезти команду транспорта въ ближайшій русскій портъ за извѣстную плату. Шкиперъ согласился, далъ анкерокъ воды; но видя, что мы не въ силахъ его задержать, принялъ съ берега турецкій десантъ и ушелъ въ море. Отъ него узнали только, что мы стоимъ у мыса Инады.

Посторонней помощи было ожидать не откуда; въ 9 часовъ вечера капитанъ собралъ изъ морскихъ офицеровъ совѣтъ, на которомъ рѣшили, что, если обстоятельства не перемѣнятся, то съ разсвѣтомъ обрубить канатъ и спуститься на берегъ; поставить транспортъ на мель и потомъ спасать команду. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы утра, можетъ быть послѣд-

няго для многихъ изъ насъ, но Провидѣніе уже готовило намъ помощь самымъ неожиданнымъ образомъ. Едва стало разсвѣтать, туманъ очистился и мы увидѣли не вдалекѣ отъ насъ за мысомъ, русской катеръ *Ласточка*, также загнанный сюда бурею.

Въ первую минуту радость наша не имѣла границъ; послѣ совершеннаго отчаянія въ спасеніи мы были почти въ безопасности; но это только такъ казалось, — на самомъ дѣлѣ намъ еще предстояло многое.

Мичманъ Кубаркинъ и, по собственному желанію, баронъ Вревскій отправились на *Ласточку*, увѣдомить командира о нашемъ положеніи и просить помощи; тамъ ихъ встрѣтили и приняли какъ братьевъ и, что особенно важно, напоили горячимъ чаемъ, котораго они давно не пробовали.

Вскорѣ прибылъ на транспортъ командиръ *Ласточки* лейтенантъ Власьевъ и условился съ нашимъ командиромъ о перевозѣ всей нашей команды на *Ласточку*. Прежде всего перевезли раненыхъ и больныхъ, потомъ команду и въ заключеніе сошли офицеры и послѣднимъ — командиръ.

Хотя мы благодарили Бога за спасеніе, но все какъ-то особенно грустно было оставлять свое судно. Насъ утѣшала одна мысль, что командиръ, офицеры и матросы вполнѣ и безропотно исполняли свою обязанность, употребили всѣ средства къ спасенію и не наша вина, если всѣ усилія не спасли транспорта.

На *Ласточку* перебрались мы только въ томъ платьѣ, которое было на насъ надѣто; все прочее наше имущество было оставлено на транспортѣ, потому что катеръ *Ласточка* едва могъ помѣстить однихъ людей.

Длина катера была 50 футъ, наибольшая ширина около 20. На верху и въ нижней его палубѣ чистаго мѣста было не болѣе 250 квадратныхъ аршинъ, и на этомъ пространствѣ помѣщалось: 25 флотскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, до 300 матросовъ и солдатъ. Счастливъ былъ, кто могъ лежать; большая

часть сидѣли и даже стояли. Въ провизіи и водѣ былъ крайній недостатокъ; воды отпускали въ сутки около полустакана на человѣка.

Штиль задержалъ насъ близь Инады; вечеромъ 27 числа посланъ былъ шкиперъ прорубить транспортъ, чтобы имъ не воспользовались Турки; къ утру 28 числа сверхъ воды были видны одни его салинги, а ночью онъ совсѣмъ потонулъ.

Утромъ 29 числа подулъ вѣтеръ и мы пошли въ море; плаваніе наше было весьма опасное: мы боялись всего, штиля и свѣжаго вѣтра. При долгомъ штилѣ мы должны были умереть съ голоду, а въ свѣжій вѣтеръ залило бы волненіемъ; потому что катеръ былъ чрезвычайно загруженъ.

Однако, благодаря Бога, чрезъ пять долгихъ тяжкихъ дней мы бросили якорь на Варнскомъ рейдѣ и сошли на берегъ. На переходѣ умерло 7 человѣкъ.

Б. В.

—